DOI: 10.31860/978-5-918680-445-389-407

РАННЯЯ ЛИРИКА ВЛАДИМИРА ГИППИУСА (НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ 1890-х ГОДОВ)

(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии В. Н. Быстрова)

Аннотация: Публикация включает в себя неопубликованные стихотворения Владимира Васильевича Гиппиуса 1890-х годов, автографы которых хранятся в Рукописном отделе ИРЛИ. В предисловии отмечено, что поэт, наряду с А. М. Добролюбовым, И. И. Коневским, ранним В. Я. Брюсовым, принадлежал к плеяде первых русских декадентов. Кратко охарактеризованы, с точки зрения Вл. Гиппиуса, основные каноны «декадентства». В приложении приводятся неоконченные автобиографические заметки Вл. Гиппиуса, касающиеся его раннего детства. Они написаны, как и стихи, во второй половине 1890-х годов. Эти заметки, снабженные комментарием, также публикуются впервые.

Ключевые слова: Владимир Гиппиус, А. М. Добролюбов, декадентство, старшие символисты, автобиографические заметки, детские впечатления.

Abstract: The publication includes unpublished poems by Vladimir Vasilyevich Gippius from the 1890s, whose autographs are kept in the Manuscript Department of the IRLI. In the preface it is noted that the poet, along with A. M. Dobrolyubov, I. I. Konevsky, and the early V. Ya. Bryusov belonged to the galaxy of the first Russian decadents. Briefly described from the point of view of Vl. Gippius, the main canons of “decadence”. The appendix contains Vl. Gippius’s unfinished autobiographical notes. Gippius concerning his early childhood. They were written, like the poems, in the second half of the 1890s. These notes, accompanied by a brief commentary, are also published for the first time.

Keywords: Vladimir Gippius, A. M. Dobrolyubov, decadence, senior symbolists, autobiographical notes, childhood impressions.

Владимир (Вольдемар) Васильевич Гиппиус (псевдонимы: Вл. Бестужев, Вл. Нелединский, Вл. Басманов и др.; 1876—1941) в 1890-е годы относился, наряду с В. Я. Брюсовым, А. М. Добролюбовым, И. И. Коневским, Ф. К. Сологубом и др., к «старшим» символистам, к плеяде первых так называемых русских «декадентов»[1]. В восприятии и пони-

[1] О Вл. Гиппиусе см., в частности: *Лавров А. В.* Гиппиус Владимир Васильевич // Русские писатели, 1800—1917: биогр. словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 565—566; *Гиппиус Вл.* О самом себе / публ. Евгения Биневича // Петро-

© Быстров В. Н., 2024

мании Вл. Гиппиуса декадентство «есть идеализация непосредственного личного восприятия мира, как доктрина художественная — культ самого интуитивного, самого внезапного из искусств — музыки. Знаменитую формулу Верлена о музыке превыше всего мы, конечно, поняли слишком хорошо, когда узнали о ней... <...> Верований не было, была личность, воспринимающая мир для себя, для своих ощущений, слушающая музыку вещей, чтобы услышать и чтобы извлечь из самой себя отвечающую ей музыку. Весь мир только для этой остроты личных переживаний... <...> культ его — мистический нигилизм не в том смысле, как это думали видеть у Льва Толстого, но истинный атеизм в тоске по верованиям и в невозможности преодолеть "грани". И ко всему этому "томлению духа" еще та смута влюбленных отношений, которая тяготеет над всяким юношеским сознанием...»[2]. По словам поэта, «декадентство — крайнее самоутверждение личности, угрюмо-эстетическое, совершенно замкнутое. Это предел всякого самообособления...»[3] Позднее Вл. Гиппиус утверждал, что к концу 1890-х гг. он, не без влияния З. Н. Гиппиус, стал постепенно отходить от мировоззренческих и эстетических канонов, крайностей декадентства. Правда, вернулся к ним на рубеже 1900—1910-х гг.[4]

В стихах начального периода Вл. Гиппиус экспериментировал в поисках новых форм для выражения смутных, изменчивых настроений, зыбких переживаний, порой метафизического характера; в них превалируют мотивы духовной отверженности и одиночества. Он в то время испытал, с одной стороны, ощутимое влияние лирики Фета, а с другой — образцов западных поэтов-модернистов: Ш. Бодлера, М. Метерлинка, Э. По и др.

Лирика Вл. Гиппиуса 1890-х годов была издана главным образом в двух сборниках: «Песни» (СПб., 1897) и «Возвращение: Из книги Завет Вл. Бестужева: (1896—1906 г.)» (СПб.: Цех поэтов, 1912). Кроме того, 5 стихотворений появились в альманахе «Северные цветы на 1901 год» (М., 1901). Существенно, что свой первый сборник после

поль: литературная панорама, 1993—1996. СПб.: изд-во альм. «Петрополь», 1996. С. 119—132; Проза Владимира Гиппиуса 1890-х годов / предисл. и публ. В. Н. Быстрова // Писатели символистского круга: новые материалы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 27—43; *Рыкунина Ю. А.* «Неизвестный поэт»: к проблеме литературной репутации Вл. Гиппиуса // Новый филологический вестник. 2012. № 1 (20). С. 74—86; *Иванова Е.* Вл. Гиппиус: превратности литературной судьбы // Русские поэты XX века: материалы и исследования: Владимир Гиппиус (1876—1941); Василий Гиппиус (1890—1942). М.: Азбуковник, 2024. С. 11—25.

[2] Цит. по: *Гиппиус Владимир.* Александр Добролюбов // Русская литература XX века, 1890—1910 / под ред. проф. С. А. Венгерова. М.: изд. т-ва «Мир», 1914. Т. 1. Кн. III. С. 276, 277.

[3] Там же. С. 277.

[4] См. об этом: *Быстров В. Н.* «Душа, рожденная мечтать...»: (неизданный сборник Вл. В. Гиппиуса «Затменья звезд») // Русский модернизм: Поэтика. Текстология. Историко-литературный контекст. СПб.: Арт бук, 2022. С. 383—385.

его выхода поэт решил не распространять. В январе 1897 г. он признался в письме к В. Я. Брюсову: «Итак, я издал книжку, которую не выпускаю “в свет” (какое ироническое выражение — для книги, для русской книги в особенности!), потому что считаю ее крайне несовершенной; зачем же выступать на трибуну и говорить несовершенное? Не ценят ни совершенного, ни несовершенного. Отсюда — говорить пред толпой несовершенное — уже вовсе не приходится. <...> Книга дело — личное и, конечно, в России совершенно бескорыстное. С книгой выступать — выходить на трибуну»[5].

Осталось немало рукописных ранних текстов, которые Вл. Гиппиус счел нужным не печатать. В данную публикацию включены избранные неопубликованные стихи 1896—1897 гг.

Некоторая невнятность, туманность поэтического языка и образов, характерная для Вл. Гиппиуса, проявилась уже в его раннем творчестве. В своей статье об А. М. Добролюбове он так охарактеризовал эти новые тенденции того времени: «...не ограничивать искусства познаваемым, явным для сознания, определенным, но дозволить непознаваемому, непостижимому в своей сущности быть выраженным непосредственно, без промежуточной среды мышления, внезапно, сразу. “Мысль изреченная есть ложь”... Это и была собственно декадентская эстетика: «говорить о непонятном непонятно»[6]. Так, например, в публикуемых стихах неоднократно возникает образ безымянной героини («Ты», «спутница небес») («Твоих лучей отраден горний свет...»), («Кто-то смотрит на меня... <...> И в лазури кто-то реет...») («Над водою ветер веет...»), («Я знаю, ты взошла цветами... <...> Ты пролетала над полями...») («Я знаю, ты взошла цветами...») и др. В отдельных случаях это был эзотеризм, рассчитанный на восприятие конкретного адресата: («Надпись на книжке», «Сергею Егоровичу Ручу»).

Тексты публикуются в хронологическом порядке по автографам, хранящимся в РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) в архиве Вл. В. Гиппиуса (ф. 77). Приводится верхний слой правки. Некоторые из стихов датируются предположительно.

Надпись на книжке

А. Добролюбову

Знай, неверный жребий кинут,
Поздно! — черный камень вынут —

[5] Цит. по: Русские поэты XX века: материалы и исследования: Владимир Гиппиус (1876—1941); Василий Гиппиус (1890—1942). С. 40, 41 (публ. Е. Ивановой). Далее: *Владимир Гиппиус (1876—1941); Василий Гиппиус (1890—1942)*.

[6] *Гиппиус Владимир.* Александр Добролюбов // Русская литература XX века, 1890—1910 / под ред. проф. С. А. Венгерова. М.: изд. т-ва «Мир», 1914. Т. 1. Кн. III. С. 276.

Верь знаменованью:
Посреди священных башен
Будет купол твой украшен
Храму в осмеянье.
6/I 1896

* * *

Я умираю под пологом вечных снегов,
Умираю от стрел непобедных врагов,
И один — только снежная стая
Надо мною кружит, пролетая.
В белом молчанье — поля,
Смерти заждалась земля.
Смерти!.. ни мрака, ни света...
Враги далеко, и уста без привета...
Верю — великий покой, жду неизведанных снов
И умираю под пологом вечных снегов.
18/I 1896 г.

Сергею Егоровичу Ручу
Ода на 14 марта 1896 года

Перед тобой раскрыта дверь
In deinem zoft[7] — гряди теперь,
Забыв земную скверну —
В пастóра крепко, твердо верь,
Хоть тщетно: Лютер — страшный зверь —
Он съест тебя наверно.
Когда настанет letzter act[8]
И ты пред Ним[9] предстанешь
Без куртки, даже не в штанах,
Как истина, и станешь
Врать мал-мал, помнишь? — на земле,
Ты врал (в овечьей шкуре!).
Злой Лютер съест тебя, зане
Мясник он был в натуре...
Ты скажешь, прикусив язык:
«Мясник» — [не склонен к людоедству!..]

[7] В твою горничную (*нем.*).
[8] последний акт (*нем.*).
[9] *Под текстом прим. Вл. Гиппиуса, обозначенное «звездочкой»*: Лютером — первым немецким Богом, после того, которого они заимствовали у католиков и у жидов.

— А Добролюбовский «Мясник»?..
Какое выбрал средство —
Чтоб утолить свой вкус?! — О вере
Не всякому ты зверю,

А Лютер прямо страшный зверь[10],
Не верю я ему, не верю.
Март 1896

* * *

Твоих лучей отраден горний свет,
И сладость уст светла и благодатна,
Ты — спутница небес, ты — утра первый след, —
Пусть на земных полях стезя твоя невнятна.

И пусть на дольних травах свет стопы твоей,
И на земных цветах цветет твое дыханье:
Твоей стопы благоуханен след,
Над ней светло мое благоуханье.

О, на земных полях иди тропой моей,
Она целует след твой неизменный,
Иди тропой моей! Среди земных полей
Она легла тропой иноплеменной.
8 сентября <1896>

Жажда

Я люблю одинокую жажду,
Неутоленную жажду души, —
И от века в оковах стражду
И погибаю в глуши.

Но не зову избавленья,
И в одиноких цепях
Родились мои песнопенья
С жаждою на устах.

И жажда уста иссушила
И душу, душу певца,
Но в жажде великая сила,
Для нее не зову конца.

[10] *Первоначально было*: Бог Лютер страшный, страшный зверь,

Пусть я в оковах стражду
И погибаю в глуши, —
Я люблю великую жажду —
Неутолимую жажду души!
25 сентября 1896 г.

* * *

Над водою ветер веет,
Над водою зеленеет,
Надо мною в <1 нрзб.> дня
Стая ласточек стрельча́тых —
Тихо — в облаках крылатых
Кто-то смотрит на меня,
И лазурь рукою нежной,
Сеет в неге безмятежной
На поля и на леса
И легко, и ветер веет,
И поляна зеленеет,
И в лазури кто-то реет,
И лазурь на землю сеет,
И уходит в небеса...
Сент<ябрь> <18>96

* * *

Приди, бледная, любимая весна,
Приди, тихое золотое утро,
Освежи мою утомленную голову,
Осени мои поздние сны.

Здравствуй, милое золотое утро!
Белая чайка дальних морей
Забилась крылами в мое ночное окно
И разомкнула мои сонные вежды.

Здравствуй, здравствуй, любимая весна,
Овей благоуханием мое детское ложе,
Освежи светом мои робкие очи
И для песен разомкни мои уста!
7 ноября 1896 г.

* * *

Зажги светильник свой прощальный,
Введи в томительную тьму —

О, дух далекий, дух начальный,
Приблизь к началу своему.
Привет мятежному паденью
И гласу волн во мраке снов.
Увы! проклятье — пробужденью
И блеску нежных облаков.
Подъят светильник твой прощальный —
Иду в томительную тьму —
Дух беспечальный — дух начальный,
О, смерть, к началу твоему!
12/XII-1896 г.

Посвящение

Я к Тайному иду с бессмертною любовью,
С бессмертной радостью в слепых моих очах,
Несознанный[11] мой свет несу в руках смиренных
И верю, путь далек и Тайна — далека.
<1896>

* * *

О, песнь! Я твоя! Ты летишь? — за тобою!
Во мраке, в цепях, — я твоя!
Пусть солнце устало в борьбе с полутьмою, —
Ты сумрак — я снова твоя,
Я пью твои воды, лелею деревья,
Целую пустынный песок...
Чуть вечер, чуть двинулись звезды в кочевья,
Я жду, — заалеет восток!
Ты плачешь? Ты сон... ты угасла улыбкой,
Ты тень, ты сиянье луны,
Ты мчишься на лани крылатой и гибкой,
Ты — зыбь отдаленной волны...
1896

* * *

Я знаю, ты взошла цветами
Над обессиленной землей,
Благоуханными ветрами
Ты пролетала над полями,
Шумя невсхожею травой,

[11] *Было:* Непознанный

И равнодушной синевой
Сияло небо над тобой...

Какое вешнее молчанье,
Какая тихая весна!
Душа открыта и ясна́,
Ни размышленья, ни желанья,
Ни обновленья, ни свиданья,
Разлука, мир и тишина,
Какая тихая весна,
Какое вешнее молчанье!
<18>96

Жалоба

В пустыне неба милая звезда
Зажглась и догорела,
Зашел мой день печальный и несмелый,
И без следа.

Осталось мне мое уединенье,
Остались слезы мне,
Покоя жду и плачу в утомленье,
Без слез и в тишине.

Моление святое повторяю,
Единое, забытое давно,
Я небу сердце бедное вверяю,
А в небесах и пусто и темно.

И что от дней минувших уцелело?
Всё незамечено, и без следа
Окончен день печальный и несмелый,
Погаснула любимая звезда.

Быть может, я, слабея, умираю,
Но суеты, о небо, не хочу,
И жалобу святую лепечу, —
И в жалобе, склоняясь, умираю.
26 марта <18>97 г.

Вечером

За окраиной не смеркается
День не явленный, день иной,

Но всё явственней удаляется
День земной.

Всё томительней сны вечерние
Не отходят, поют, зовут,
Всё больней ранят жесткие тернии,
Только сны утешают вечерние,
Докучает печальный труд.

Утомительны сны утешающие,
Утешенья — не в радость мне,
Я не сплю, и не спят увядающие
Все цветы на моем окне.

Мир вам, кроткие, мир, беспечные,
Увядающие в тишине!
О, помедлите, быстротечные,
Утолите раны сердечные,
Оживающие по весне...

Ах! придет ли день утоления,
День незнаемой чистоты, —
Потемнеет небо весеннее,
Все рассеются сновидения,
И навеки уснут цветы?
4 мая <18>97 г.

* * *

Люблю под солнцем голубую воду
И берег над водой,
И в небе птиц беспечную свободу,
И туч летучий рой,

И по земле убогие селенья,
Печальные стада...
О, край земной! о, скудное смиренье,
О, темная вражда!..
Май <18>97 г.

* * *

В закате тихом фиалок,
В тонком качанье стеблей
Грустно целую улыбку
Первых весенних лучей.

Тихое детское счастье
Грезилось в сумраке снов,
Руки свои отрывала —
Ты от весенних цветов...

Тихо грустили фиалки:
— Дай мне уйти и забыть —
Руки свои отрывала —
— Я не могу не любить

В закате тихом фиалок,
В тонком качанье стеблей
Грустно целую улыбку
Первых весенних лучей...
<1897>

ПРИМЕЧАНИЯ

Надпись на книжке («Знай, неверный жребий кинут... »)

БА — ед. хр. 42, л. 1.

Посвящение. — Александр Михайлович *Добролюбов* (1876—1945?) — поэт-символист. Учился на филологическом факультете С.-Петербургского университета. Весной 1898 г. начал странствовать по Олонецкой губернии, осенью того же года ушел в Соловецкий монастырь. Затем стал проповедником, основал религиозную секту «добролюбовцев», сходную с духоборцами. В 1901 г. был арестован. Имел немало последователей-единоверцев. В 1895 г. издал сборник стихов «Natura naturans. Natura naturata» («Природа порождающая. Природа порожденная»; СПб.: тип. Е. Евдокимова, 1895). В юности — один из ближайших друзей и единомышленников Вл. Гиппиуса. Ср. в воспоминаниях Вл. Гиппиуса «О самом себе»: «При переходе в 6-й класс я познакомился с Добролюбовым, тогда только что поступившим в гимназию, но подружился с ним годом позднее. Кончив гимназию, мы вместе поступили на филологический факультет для занятий всем гуманитарным... <...> Это середина <18>90-х годов, уже эпоха бурного декадентства: два старших класса гимназии и первый год университета. В религии я стал атеистом, эстетика победила религиозность. Политическое безразличие было полное. Мораль отрицалась вся — вполне, без уступок. Это была наша общая с Добролюбовым вера. Надо всем стояла влюбленность в литературу, хотя отрицалась и литература, — потому что в основе было неверие» (*Гиппиус Владимир*. О самом себе // Петрополь: литературная панорама, 1993—1996. СПб.: изд-во

альм. «Петрополь», 1996. С. 120; публ. Евг. Биневича). Нельзя не отметить, что сборник А. М. Добролюбова «Natura naturans. Natura naturata» открывается стихотворением Вл. Гиппиуса «Посвящение» («Белое утро ползет, пробираясь над вялой столицей...»; с. 5). Подробнее об А. М. Добролюбове и его отношениях с Вл. Гиппиусом см.: <*Венгеров С. А.*> А. Добролюбов; *Гиппиус Владимир.* Александр Добролюбов // Русская литература XX века. 1890—1910 / под ред. проф. С. А. Венгерова. М.: изд. т-ва «Мир», 1914. Т. 1. Кн. III. С. 265—271, 272—287; *Иванова Е. В.* Добролюбов Александр Михайлович // Русские писатели, 1800—1917: биогр. словарь. М.: Большая российская энциклопедия; ФИАНИТ, 1992. Т. 2. С. 133—134; *Святловский Г., Терентьев-Катанский А.* Добролюбов Александр Михайлович // Литературный Санкт-Петербург. СПб.: [б. и.], 2015. Т. 1. С. 711—713; *Азадовский К.* Путь Александра Добролюбова // Блоковский сборник. Тарту: изд-во Тартуского ун-та, 1979. Вып. 3. С. 121—146; *Иванова Е. В.* Александр Добролюбов — загадка своего времени // Новое литературное обозрение. 1997. № 27. С. 191—236; *Рыкунина Ю. А.* Два письма Вл. В. Гиппиуса А. М. Добролюбову 1898 года // Русская литература. 2015. № 2. С. 187—192.

Знай, неверный жребий кинут... — Возможно, стихотворение связано с наметившимся расхождением между Вл. Гиппиусом и А. М. Добролюбовым, когда Гиппиус вышел из редакции журнала «Горные вершины» (издание не состоялось). В статье о Добролюбове он свидетельствовал: «К концу зимы <1896 г. — *В. Б.*> наши отношения стали очень холодны, в начале следующей зимы мы разошлись совсем...» (*Гиппиус Вл.* Александр Добролюбов // Русская литература XX века, 1890—1910. С. 168).

«Я умираю под пологом вечных снегов...»

БА — ед. хр. 42, л. 2.

Первоначальная редакция:

Я умираю под пологом вечных снегов,
Умираю от стрел непобедных врагов,
Надо мной не кружат облака, пролетая,
В белом молчанье поля,
Смерти заждалась земля,
Радость покоя, уста без привета...
Очи не видят ни мрака, ни света...
Знаю — бессмертный покой, жду неизведанных снов
И умираю от стрел непобедных врагов. (Там же. Л. 3)

Умираю от стрел непобедных врагов... — Здесь, вероятно, в значении: либо «непобежденных врагов», либо «непобедимых врагов».

Посвящение («Я к Тайному иду с бессмертною любовью...»)

БА — ед. хр. 42, л. 4.

Я к Тайному иду с бессмертною любовью... — Возможно, подразумевается нелегкий путь к Богу, к истинной вере.

Несознанный мой свет несу в руках смиренных... — Ср. в одном из «стихотворений в прозе» Вл. Гиппиуса, написанном 5 окт. 1895 г.: «Я во мраке, я живу жизнью несознанной, я в не жившем, и, если порой моя скудная мысль поднимется и глянет вперед, — мои очи слепы» (Из ранних «стихотворений в прозе» Владимира Гиппиуса / публ. Т. Игошевой, Ю. Орлицкого // Русские поэты XX века... С. 132).

Сергею Егоровичу Ручу. *Ода на 14 марта 1896 года*

БА с правкой (далее: *БАП*) — ед. хр. 42, л. 6—7 об.

Подзаголовок: «по поводу приобщения его святых Лютеровых тайн и желания моего — выразить сему Лютеру мое нижайшее почтение». Ниже помета: «Сочинил Иноземец и басурман Вольдемар Гиппиус» (л. 6). Подпись под текстом: «Совершенно примиренный с религией Владимир Гиппиус» (л. 7 об.). *Мартин Лютер* (1483—1546) — немецкий христианский богослов, инициатор Реформации и протестантизма (его именем названо одно из направлений протестантизма — лютеранство). Возможно, в этот день С. Е. Руч принял лютеранскую веру. Ср. свидетельство Вл. Гиппиуса, касающееся его собственного вероваания: «Я со вторым братом <А. В. Гиппиусом. — *В. Б.*> перешел в православие из нелюбви к лютеранству, внушенной мне с детства, — уже студентом» (*Гиппиус Вл.* О самом себе. С. 119).

Сергей Егорович (Георгиевич) Руч — выпускник С.-Петербургского ун-та. Автор учебных пособий: «Орфографический словарь с обозначением ударений и указанием корней слов русского происхождения» (СПб.: Центр. типо-лит. М. Я. Минкова, 1900), «Теория словесности» (СПб.: Центр. типо-лит. М. Я. Минкова, 1902); «Учебник логики: составлен применительно к новейшим программам средних учебных заведений» (СПб.: Торговая тип. (Тырина), 1903). С. Е. Ручу Вл. Гиппиус посвятил стихотворение «Ворон» («От затхлого трупа поднялся бездомный, тоскующий ворон...», 1894), вошедшее в сборник «Песни» (с. 39—40).

Без куртки, даже не в штанах, / Как истина... — Подразумевается крылатый фразеологизм «голая истина», т. е. чистая, безусловная, неприкрашенная правда.

Злой Лютер съест тебя, зане / Мясник он был в натуре...<...> — А Добролюбовский «Мясник»?.. — Возможно, подразумевается несо-

хранившееся произведение А. М. Добролюбова, известное некоторым его современникам. Ср., в частности, свидетельство Н. М. Минского: «Однажды он прочел нам поэму в прозе, в которой рассказывалось, как несколько молодых людей пообедали “кубическим куском” жареного человеческого мяса. На все вопросы автор отвечал двусмысленною улыбкой, ничего не имея против того, чтобы мы видели в нем одного из сотрапезников» (Рассвет. 1905. 5 апр. № 82).

...зане... — то есть *поскольку*.

«Твоих лучей отраден горний свет...»

БА 1 — ед. хр. 42, л. 14 об.; *БА 2* — там же, л. 15.

Жажда
(«Я люблю одинокую жажду...»)

БА — ед. хр. 42, л. 17 об.

Ср. стихотворение Пушкина «Пророк» («Духовной жаждою томим...», 1828).

Я люблю одинокую жажду... — Ср. в «стихотворении в прозе» «Посвящение», написанном 30 авг. 1896 г.: «Я поверил иным благоуханиям, иные песнопенья приблизились ко мне, и я, как ты, один на своем зацветающем берегу. / И в часы одинокой жажды я, склонясь, пью те же бледные воды и орошаю их теми же слезами печали, как и ты. <...> Но я одинок на своем цвет<ущ>ем берегу, и я печально пью в час неутолимой жажды... эти весен<ние> воды...» (цит. по: *Владимир Гиппиус (1876—1941); Василий Гиппиус (1890—1942)*. С. 124; публ. Т. Игошевой и Ю. Орлицкого).

«Над водою ветер веет...»

БА — ед. хр. 42, л. 9.

«Приди, бледная, любимая весна...»

БАП — ед. хр. 42, л. 8; *БА 1* — там же, л. 10 об.; *БА 2* — там же, л. 11. Публикуется по тексту *БА 2.*

«Зажги светильник свой прощальный...»

БА — ед. хр. 42, л. 19.

Посвящение
(«Я к Тайному иду с бессмертною любовью...»)

БА — ед. хр. 42, л. 4.

Я к Тайному иду с бессмертною любовью... — Возможно, подразумевается нелегкий путь к Богу, к истинной вере.

Несознанный мой свет несу в руках смиренных... — Ср. в одном из «стихотворений в прозе» Вл. Гиппиуса, написанном 5 октября 1895 г.: «Я во мраке, я живу жизнью несознанной, я в не жившем, и, если порой моя скудная мысль поднимется и глянет вперед, — мои очи слепы» (*Владимир Гиппиус (1876—1941); Василий Гиппиус (1890—1942)*. С. 132; публ. Т. Игошевой и Ю. Орлицкого).

«О песнь! Я твоя! Ты летишь? — за тобою...»

БА — ед. хр. 42, л. 12.

Первоначальная датировка: «1895?» (зачеркнута).

Я твоя! — Возможно, подразумевается душа поэта-певца.

«Я знаю, ты взошла цветами...»

БА — ед. хр. 42, л. 9 об.

Жалоба
(«В пустыне неба милая звезда...»)

БА — ед. хр. 44, л. 9а—9а об.

Вечером
(«За окраиной не смеркается...»)

БА — ед. хр. 44, л. 12а—12а об.

«Люблю под солнцем голубую воду...»

БА — ед. хр. 44, л. 16 об.

Зачеркнутое заглавие: [«Отрывок»].

Ср. сходные мотивы и образы в письме Вл. Гиппиуса к А. М. Добролюбову (июнь 1898 г.): «Правильно, в неизменяемых кругах — в черте видимого — движется единое мироздание — Небо, Земля и вода. Святая денница в Небесах, семя сырое в земле и светлые кущи деревьев, и голубые волны на водах» (цит. по: *Рыкунина Ю А.* Два письма Вл. В. Гиппиуса А. М. Добролюбову 1898 года // Русская литература. 2015. № 2. С. 192).

«В закате тихом фиалок...»

БАП — ед. хр. 45, л. 9—9 об.

Приложение

О СЕБЕ САМОМ

<1.>

Когда вступаешь в то время, когда воспоминания детства отходят и забывается о том, что уже было, но неясно еще, что будет, как будешь жить, думается только о настоящем, задаешь себе всегда вопросы, всегда чего-то хочешь, ищешь, иногда находишь, иногда не находишь — переживаешь всё, что все переживают, а всё считаешь себя не таким, как все, больше всего дышишь, спишь, ешь, пьешь, ходишь, мало думаешь, а больше чувствуешь окружающее, и всё считаешь, что это не главное, что должно быть то, что важнее. О подвигах — не мечтаешь. Верно, они прошли невозвратно, или стали такими, что уже не называются подвигами, задумаешь ли дело, но кажется, что не есть то, что насущнее, жизнь коротка, и будешь делать — пустое дело. Жизнь коротка. Каждый день я вижу, как везут покойников, и мне всегда становится немного скучно, холодно. Не хочется умирать! А жизни всё не чувствуешь. Хотелось бы ее до того почувствовать, [чтобы] но идут дни, первый, второй, третий, образуют недели, недели в месяцы, в годы, а лет немного. Такие чувства приходят именно тогда, когда вступаешь в то время, что — теряется связь с детством, до смерти, может быть, еще так же далеко, как до рождения, в самой жизни! Что же не чувствуешь ее?

2.

Я так вспоминаю свое детство[1]. Много дней, дни за днями, потом вспоминаются и ночи, когда я не спал, когда мне было страшно, всем знакомое чувство, трудно преодолимое ночью, в темноте, иногда в сумерках, а днем смешное. Оно бывает и теперь, но теперь всё не веришь своим чувствам, а тогда верил совершенно. Дни шли за днями, почти как один день, — жизнь, детство. Утром свет еле врывался сквозь щели занавесок в спальню, где спали мать и братья[2], позже другую комнату, где спал только отец[3], утром пили чай, ходили гулять с няней, по большим просторным улицам, в солнечный зимний день, яркий, холодный, или бегали по дорожкам садика в весенние дни — вдоль зеленеющих деревьев, жидко посаженных. Были друзья. Они говорили гадкие слова, которые мы, бегая по саду, и повторяли, не потому, что они гадкие, и так кричали, да и казалось не весть что. Садик упирался в голую кирпичную стену с одним окном за решеткой, из которого глядела женщина с повязанной головой. Все стояли кругом и говорили, что «сумасш<едш>ая», и я смотрел...

Потом шли домой, завтракали. После завтрака отец уходил на службу[4], мать шила... Тянулся день — незаметно, мы ни о чем не дума-

ли. Может быть, братья и думали, я ни о чем не думал, игрушек не любил, иногда читал, но без большого интереса, и без скуки, не было и равнодушия. Разговаривали с няней, играли «в папу и маму, в гости», «в пожарных», и тогда стучали страшно. Тогда приходила мама и говорила, чтобы мы перестали. Мы утихали, потом начинали опять. Опять приходила мама и сердилась на нас, и ее привычное, милое лицо делалось возмущенным и синие глаза блистали... Еще становился на окно и глядел в окно, иногда долго. Видел, как идет одна улица, почти пустая, малолюдная, заворачивает за деревянным забором, идет другая, на углу написано название. Напротив — был тоже угол, там был только каменный дом с красной вывеской: «Трактир»; около трактира было больше народу и останавливались извозчики и возы. Я читал «Трактир» на все лады: риткарт, тиртрак, или отмерял, какая буква средняя и сколько букв по обоим бокам от средней... За деревянным забором лежали, большими складами, дрова, и на свободном месте играли «уличные» дети. И я любил смотреть, как они играют, особенно в снежки, — мне бы не позволили. Начинались сумерки, я слезал с окна, бродил по комнатам, садился на стулья. Смотрел на картины на стенах. Их было две: «Молдаванка» и какие-то женщины, которые купались среди волн. Мы называли ее «Глупые бесстыдницы», и отцу это очень нравилось. Я не совсем понимал одного места в этой картине, потому что она была так сделана. И смотрел на него иногда и понимал его по-своему. Потом рассматривал книги с картинками, которые я теперь уж забыл. Становилось темно. Зажигали свет. Я садился рядом с маминой машиной и смотрел на колесо, которое вертелось так скоро, что не казалось уж колесом, так мелькало, мелькало и нижнее колесо, стучало и мелькало. Я любил так сидеть под лампой и смотреть, как материя проходит под иглой, с так<ими> точными стежками.

Приходил отец, которого мы все дичились и не совсем понимали или смутно любили. Обедали, отец шутил с нами, повторял то же самое каждый день, и нам нравилось больше, чем новое. Нравилось то, что уже наверное знаешь, что будет так. После обеда играли в лото или сидели <у> отца в кабинете и говорили с ним, он говорил больше со мной, я был старше. И я относился к нему как <к> гостю, любимому детьми, я его редко видел. Он не спрашивал меня, чем я жил весь день, и не думал об этом, и мама не спрашивала, но мать была весь день с нами, а его не было. С годами я всё больше понимал его, может быть, тогда, когда во мне пробуждалось отцовское. Наконец вечером пили чай, только дети, с блюдечка, болтали под столом ногами. Потом умывались, ложились спать. Приходили ночные страхи, потом уходили, наступали сны. Сны были яркие, отчетливые, каких никогда не видишь позже, то обычные, то удивительные, всегда спутанные, когда замирает сердце, когда кажется, что летишь, летишь — с башни, и просыпаешься. Потом приходили — и особенные мечты, перед сном,

самые любимые, сладкие, легкие, влекущие — о каких-то нежных девочках, тонких ручках и губах... Их хочется целовать, быть таким же нежным, как они — мечты, которые потом стали грехом.

*<3.>**

Мама учила нас по прописям, и я писал — с трудом удерживал перо в пальцах, чтобы оно не выскользнуло — «Шексна, Обь...»[5], и пословицы, потом читал азбуки с картинками — под картинками были подписи: лев, прялка... Я любил читать.

Приходила тетя Соня[6], которая не была нашей тетей, а просто знакомой. Она входила и сразу начинала говорить — скоро и словно нараспев... И когда видела детей, сразу бросалась целовать и говорить: «Красота моя неописанная». И мне казалось, что эти слова — пахнут конфетой и пудрой. У нее были стриженые вьющиеся волосы, живое лицо, и от ее лица пахло пудрой, и я любил с ней целоваться. Она училась в консерв<атории> и давала уроки музыки. Она ставила нас в кружок и заставляла петь «ах, попалась птичка, стой...»[7], и мы пели очень плохо. Она смеялась и заставляла повторять, и опять смеялась, что не выходит... Потом она говорила с мамой и всё смеялась, что не выходит... Потом читала газету и уходила.

Приезжала еще тетя Алина, это была настоящая тетя, папина сестра[8]. Она была очень хорошенькая, ей было 18 лет. Ей очень хотелось выйти замуж. У нее было много женихов, и она всегда об них думала. Я ее очень любил. Она меня сажала верхом на коленях, и мне было сладко сидеть на коленях... Я раз сказал: «Я женюсь на тете Алине». Мне тогда было пять лет. Она была похожа на тех девочек, которых я видел в мечтах, засыпая.

Еще к нам ходили знакомые отца, его товарищи, которых я не дичился, и любил, когда они приходили, хотя никто из них мне не нравился: было весело, что всё время говорят и смеются. Нас не прогоняли в детскую, и мы сидели со всеми. Один из гостей остался позже других и много пил пиво, и, уходя, хотел поцеловать горничную. Она всё говорила: «что вы, что вы?» И он ее только погладил по шее. Я это запомнил, но не вспомнил тогда о своих ночных мечтах.

Ночные мечты были иногда и страшные. Я вскакивал, открывал глаза, видел свою комнату, наполненную, найденную кем-то, ду́хами, зверями — какими-то продольными полосами, звездами, которые все

---

* *В тексте*: III. *Рядом, на л. 76 об., было*:

3.

Неисчислимы и блаженны
Господней жизни семена,
Цветы земли, огни вселенной —
Небесной мысли глубина.

(Приводится по последнему слою правки.)

кружились — в конце коридора — тигры, тигры... Ух, как страшно, страшно! и я кричал из всей силы...[9]

БАП — РО ИРЛИ, ф. 77, ед. хр. 44, л. 72—78. Б. д.
Текст находится в конце тетради в кожаной обложке, линованные листы которой сшиты холщовыми нитками. Записано фиолетовыми чернилами. В состав данной тетради входят беловые и черновые автографы стихотворений, датированных 1896—1898 гг.
Печатается с исправлением орфографических, грамматических и пунктуационных ошибок.

Можно предположить, что неоконченные автобиографические заметки «О себе самом», касающиеся детства Вл. Гиппиуса, были написаны в конце 1890-х годов. Они явно беллетризованы, в отличие от поздних мемуаров (см.: *Гиппиус Вл.* О самом себе / публ. Евгения Биневича // Петрополь: Литературная панорама, 1993—1996. СПб., 1996. С. 119—132). Это — попытка запечатлеть непосредственные детские чувства и впечатления. Данные воспоминания значимы, поскольку сведений о детских годах Вл. Гиппиуса сохранилось очень мало.

[1] Вл. Гиппиус родился в подмосковных Химках. На втором году жизни переехал с родителями в Петербург.

[2] Мать Вл. Гиппиуса — Елена Францевна Гиппиус (в девичестве Эггерс; ?—1920); его младшие братья — Александр Васильевич (1878—1942), Лев Васильевич (1880—1922) и Василий Васильевич (1890—1942).

[3] Отец Вл. Гиппиуса — Василий (Вильгельм) Иванович Гиппиус (1853—1918).

[4] В. И. Гиппиус — действительный статский советник, помощник управляющего (впоследствии управляющий) Земским отделом Министерства внутренних дел; служил в переселенческом управлении МВД (начальник его с 1896 по 1902 г.). Вл. Гиппиус вспоминал о нем: «Отец оканчивал курс в Петербурге. По окончании университета он стал служить в Земском отделе, — и очень скоро выдвинулся, благодаря своим необыкновенным дарованиям — и только отсутствие связей и, особенно, болезненность прервали его деятельность слишком рано. Его умственные интересы были гораздо шире вопросов не только административных, но и вообще политических... Он имел на меня огромное влияние — вначале» (Там же. С. 119). Ср. также свидетельство об отце Вас. Вас. Гиппиуса в его автобиографии: «Сам он тяготел к литературе, в молодости сотрудничал в журналах, позже переводил Данте и др<угих> поэтов...» (*Владимир Гиппиус (1876—1941); Василий Гиппиус (1890—1942)*. С. 485; публ. И. Кощиенко и Г. Петровой).

[5] *Шексна* — река в Вологодской области, левый приток Волги. *Обь* — река в Западной Сибири, одна из крупнейших в России.

[6] Сведений о ней найти не удалось.

[7] Имеется в виду популярное детское стихотворение «Пойманная птичка» («А, попалась, птичка, стой!..»; 1859). Автор его — Августа Андреевна Пчельникова; наст. фам. Цейдлер, урожд. Рыхлевская; 1830—1891). Этот текст был положен на музыку, в частности, композитором М. Р. Щиглевым (1834—1903).

[8] Сведений о ней найти не удалось.

[9] Ср. детские воспоминания в стихотворении в прозе «Крест моей сестры», написанном в середине 1890-х гг.: «Мне не спится. <...> Глаза смыкаются... и болят. И чудится, на стенке вырастают какие-то чудовища сказочные, страшные, я трясусь всем телом, но чувствуется, что они словно исходят из меня и, медленно ше-

ствуя через комнат<у>, вытягиваются вдоль стенки и меняют цвет, меняют облик. Мне сладко, жутко и боязно... Я не могу оторвать глаза. В ушах отдается стук сердца. / Меня всего трясет... Мне уныло, страшно, остро-мучительно страшно. Я кричу, мама просыпается и бросается к моей кроватке. Я впадаю в беспамятство» (*Владимир Гиппиус (1876—1941); Василий Гиппиус (1890—1942)*. С. 142; публ. Т. Игошевой и Ю. Орлицкого).

Библиографический список

1. *Азадовский К.* Путь Александра Добролюбова // Блоковский сборник. Тарту: изд-во Тартуского ун-та, 1979. Вып. 3.
2. *Быстров В. Н.* «Душа, рожденная мечтать...»: (неизданный сборник Вл. В. Гиппиуса «Затменья звезд») // Русский модернизм: Поэтика. Текстология. Историко-литературный контекст. СПб.: Арт бук, 2022.
3. *Гиппиус Владимир*. Александр Добролюбов // Русская литература XX века, 1890—1910 / под ред. проф. С. А. Венгерова. М.: изд. т-ва «Мир», 1914. Т. 1. Кн. III.
4. *Гиппиус Вл.* О самом себе / публ. Евгения Биневича // Петрополь: литературная панорама, 1993—1996. СПб.: изд-во альм. «Петрополь», 1996.
5. *Иванова Е. В.* Александр Добролюбов — загадка своего времени // Новое литературное обозрение. 1997. № 27.
6. *Иванова Е.* Вл. Гиппиус: превратности литературной судьбы // Русские поэты XX века: материалы и исследования: Владимир Гиппиус (1876—1941); Василий Гиппиус (1890—1942). М.: Азбуковник, 2024.
7. Из ранних «стихотворений в прозе» Владимира Гиппиуса / публ. Т. Игошевой, Ю. Орлицкого // Русские поэты XX века: материалы и исследования: Владимир Гиппиус (1876—1941); Василий Гиппиус (1890—1942). СПб.: Азбуковник, 2024.
8. *Лавров А. В.* Гиппиус Владимир Васильевич // Русские писатели, 1800—1917: биогр. словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1989. Т. 1.
9. Проза Владимира Гиппиуса 1890-х годов / предисл. и публ. В. Н. Быстрова // Писатели символистского круга: новые материалы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.
10. *Рыкунина Ю. А.* «Неизвестный поэт»: к проблеме литературной репутации Вл. Гиппиуса // Новый филологический вестник. 2012. № 1 (20).
11. *Рыкунина Ю. А.* Два письма Вл. В. Гиппиуса А. М. Добролюбову 1898 года // Русская литература. 2015. № 2.